БАРЫМТА: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, УСЛОВИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ

Усеинова Г.Р., Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан, *gulnara_usein@mail.ru*

Усеинова К.Р., Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан, *gulnara_usein@mail.ru*

Статья посвящена анализу института казахского обычного права барымта, цель которого состояла в объективном стремлении достичь справедливости путем восстановления своего нарушенного права. Исследуется понятие барымты в традиционных обществах Средней Азии. Анализируя историко-правовые источники, авторы указывают на древний характер происхождения многих норм и институтов традиционного казахского права, и в частности, института барымты. Авторы рассматривают условия правомерности барымты. Делают вывод о том, что при определении правомерности барымты играли и такие условия, как отказ лица, виновного в краже, добровольно вернуть украденный скот или явиться в суд биев для дачи показаний, а также если барымта была единственно возможным средством восстановления своего нарушенного права.

Ключевые слова: казахские обычаи, барымта, потерпевший, ответчик, защита.

DOI: 10.21779/2224-0241-2018-25-1-27-34

UDC 340

BARYMTA: CONCEPT, NATURE, LEGITIMACY CONDITIONS

Useinova G.R., Kazakh National University named by al-Farabi, Almaty, Republic of Kazakhstan, *gulnara_usein@mail.ru*

Useinova K.R., Kazakh National University named by al-Farabi, Almaty, Republic of Kazakhstan, *gulnara_usein@mail.ru*

The article is devoted to the analysis of the Institute of Kazakh customary law barymta, the purpose of which was to objectively seek to achieve justice by restoring their violated rights. The concept of barymta in traditional societies of Central Asia is investigated. Analyzing historical and legal sources, the authors point to the ancient nature of the origin of many norms and institutions of traditional Kazakh law, and in particular, the Institute of barymta. The authors consider the conditions of legality of barymta. It is concluded that in determining the validity of barymta played and conditions such as refusal of the person responsible for the theft, voluntarily return the stolen cattle or appear in court biys to testify, as well as if barymta was the only possible means of restoring their violated rights.

Key words: Kazakh customs, barymta, victim, defendant, defense.

DOI: 10.21779/2224-0241-2018-25-1-27-34

Ни для кого не секрет, что на протяжении долгого времени одни исследователи рассматривали институт барымты лишь как угон скота; другие же лишь как способ восстановления нарушенного права. Однако «барымта представляет собой, во-первых, месть, связанную с физическим или моральным ущербом; во-вторых, средство наказания за отход от общинных родовых интересов; в-третьих, способ защиты нарушенного права или же способ принуждения к исполнению решения суда биев; в-четвертых, форму социального протеста или недовольства; в-пятых, форму решения межродовых споров» [1, с. 7].

Барымта представляла собой как моральную, так и обычно-правовую норму. Барымта – это

не просто угон скота. Основная цель данного института заключалась в объективном стремлении достичь справедливости путем восстановления своего нарушенного права.

По Уложению хана Тауке право на барымту возникало у потерпевшего, если ответчик не исполнял приговора или решения суда, а также если старейшина рода умышленно уклонялся от разбирательства дела и, тем самым покровительствовал виновному. До сих пор невыясненным в научной литературе остается вопрос о времени возникновения барымты.

Отдельные авторы-исследователи отмечают, что в судебно-процессуальном значении данный институт стал применяться в конце XVIII–

начале XIX века в связи с углублением процесса феодализации казахского общества и ослабления родовых начал. Позволим себе не согласиться с данным мнением по нескольким причинам.

Во-первых, изначально барымта «характеризуется ограничением элементов произвола, регулированием ее и превращением в легальный способ защиты правопорядка» [2].

Во-вторых, в барымте, как и в других институтах обычного права: асаре, журтшылыке, жылу, в наибольшей степени проявляется родовое начало.

В-третьих, барымта возникла значительно раньше XVIII века, как механизм урегулирования конфликтов в традиционном кочевом обществе, как способ исполнения решения биев.

В XVIII–XIX вв. барымта уже отчасти утратила свое первостепенное значение и в основном реализовывалась в форме межродовых войн, сопровождавшихся бесконесными угонами скота.

Таким образом, барымта представляла собой способ обеспечения исполнения решения суда биев. И в этом смысле барымта такой же древний институт, как и институт бийства. Вот что пишет по этому поводу М. Сапаргалиев: «Барымта, как институт принуждения по отношению к нарушителям норм казахского обычного права, существовала в Казахстане с незапамятных времен и была овеяна ложными легендами о смелости и удали ее участников. Самоуправство в виде барымты, т.е. насильственного угона скота, составлял даже род подвига. Иначе говоря, не мстить за обиду считалось как бы позором» [3, с. 164].

Конечно же, с утверждением о том, что барымта существует с незапамятных времен, мы согласны. Что же касается того, что барымта – это, прежде всего, самоуправство, мы отчасти не согласны. Другое дело, что барымта возникает в период самоуправления.

Еще немецкий юрист Рудольф фон Иеринг, на основе анализа сущности государства и права, их связей с различными социальными факторами, с господствующими в обществе экономическими и культурными интересами выделял основные периоды человеческого общежития. Всего им было выделено три периода. Первый период – это период самоуправления, когда на защиту своего нарушенного права выступает сам пострадавший индивид. Второй период – это период более или менее упорядоченной защиты, когда отдельные представители общества в лице старейшин, вождей решают, каковы границы применяемой силы, направленной на восстановление своего нарушенного права. Третий период – это период, когда государство становится орудием всего общества. По мнению Иеринга, государство представляет собой организацию социального принуждения.

Поскольку основу социальной жизни по Р. Иерингу составляют цели, то определенному периоду человеческого общежития соответствуют

определенные ступени человеческих целей. Так, «первый приют цель находит у индивида. Цель подросла – за нее принимается союз; она вполне разрослась – и тогда становится достоянием государства» [4, с. 579].

Анализ конструкции барымты позволил А.И. Мякутину прийти к выводу, что ее наличие свидетельствует о втором периоде правового строя человеческого общежития, периоде упорядоченной защиты [5].

Позволим себе не согласиться с данным предположением и более того, считаем данный тезис ошибочным, поскольку барымта, на наш взгляд, возникает еще в период самоуправления, как проявление мести.

В частности, на древнее происхождение барымты указывает и М.М. Ковалевский [6, с. 184]. Основанием такого утверждения для многих ученых послужил тот факт, что барымта признавала солидарную ответственность всех членов рода.

Некоторые из исследователей, обосновывая влияние монгольского права на казахские обычаи, указывали, что институт барымты был закреплен еще в «Ясе Чингисхана» [7, с. 266]. В частности, Я. Гурлянд отмечает, что киргизы с XIII века были в составе империи Чингисхана, продолжали быть и в подчинении империи его потомков, и затем, войдя в состав Кипчакской Большой Орды, платили ханам дань до ее падения. Несомненно, что обычаи и законы завоевателей должны были господствовать и у киргизов, и поэтому Чингисова «Великая Яса» была важнейшим законодательным уложением киргизов того времени [8, с. 155].

Ф.Леонтович, «предполагая, что ойратский «Цааджин – Бичик» есть развитие «Ясы» Чингисхана, утверждал, что такие институты, как «кровная месть» и «барымта» в Уложении Тауке хана позволяют сблизить его не только с ойратским уставом 1640 года, но еще с Великой Ясой» Чингиза» [9, с. 244].

В свое время с этим высказыванием категорически не соглашался С. Фукс, который писал: «...известные нам фрагменты Ясы Чингисхана во все не знают института, аналогичного барымте» [10, с.608]. Далее автор обосновывает собственную точку зрения. «В то время как Яса Чингисхана исходит из наличия сильной, централизованной, деспотической государственной власти, обычное право казахов есть плод крайней слабости государственной власти, что ярче всего проявляется, пожалуй, в легализации барымты – самопомощи, самоуправления. Барымта есть следствие бессилия государственной власти своими силами привлечь к суду обвиняемого (ответчика) и заставить его выполнить решение суда. Барымты не только нет в известных нам фрагментах Ясы Чингисхана, но она противоречит всему содержанию и политическому смыслу Чингисова законодательства» [10, с. 608].

Таким образом, С. Фукс категорически не согласен с мнением Ф. Леонтовича и Я. Гурлянда,

утверждавших, что многие институты казахского обычного права, в том числе барымта, кун и др., имеют свои корни в «Ясе Чингисхана».

Несколько иной точки зрения придерживается Н.Л. Айткулова. По ее мнению, «условный характер судебного решения в древнем процессе предопределил и своеобразный характер его исполнения. Исполнение айыпа осуществлялось как в добровольном, так и в принудительном порядке. Добровольное исполнение айыпа обеспечивалось...высоким авторитетом норм обычного права, ... авторитетом биев...Принудительное исполнение айыпа обеспечивалось как социальным принуждением, так и силой государства в лице его исполнительных органов государственной власти – правителей родов и отделений, аульных старшин, волостных управителей и уездных начальников» [11, с. 11].

Однако, справедливости ради необходимо отметить, что ни «Яса Чингисхана», ни «Их Цааз» («Великое уложение») XVII века, ни другие ойратские уставы не содержали норм, прямо указывающих на барымту. Так, пункт I ойратского устава «Их Цааз» гласил: «Если кто, напав на наше государство, совершит убийства, разорит и ограбит большое число людей и поселений, монголы и ойраты...объединившись, должны отпустить напавшего и забрав все его состояние, половину дать отпустившему (разоренному), а другую половину взять и разделить пополам между ойратскими и монгольскими князьями [12, с. 111].

На древний характер происхождения института барымты указывает также и Р.Ю. Почекаев в труде «Обычай и закон в праве кочевников Центральной Азии» (После империи Чингисхана). В частности, он отмечает, что «от некоторых древних обычаев казахи так и не смогли отказаться вплоть до конца XIX века: например сохранилась так называемая баранта – обычай взаимного угона скота друг у друга, который не только не считался позорным, но и напротив – даже воспевался в эпических произведениях» [13]. Далее автор указывает, что «единственное, чего не смогли сделать законодатели, это – закрепить за племенными биями обязанности отслеживать, чтобы количество угнанного скота соответствовало возмещаемому таким способом ущербу» [13, с. 165]. По мнению Ч.Ч. Валиханова, казахское право начало формироваться еще в эпоху родового строя. Он отмечает, что «роды и племена, впоследствии образовавшие казахскую народность еще до монгольского нашествия, имели свои обычаи и «родовые права», которые Чингисхан не смог уничтожить» [14, с. 170]. Несколько позднее, в своей работе «Записка о судебной реформе у киргиз Сибирского ведомства» ученый пишет о «нормах обычного права, существующих сотни, а, может быть, и тысячу лет до нас» [15, с. 89]. Таким образом, Ч.Ч. Валиханов не отрицал преемственность отдельных обычаев и институтов тюркской правовой

системы, получившей распространение задолго до монгольского права, в обычное право казахов.

Это была изумительная догадка великого ученого, понимавшего, что такие явления как право, правовая система могут формироваться в течение длительного периода на основе жизнедеятельности общества. Ведь тогда науке еще не были известны как правовые, так и литературные источники, характеризующие правовую систему государственных организаций на территории Казахстана с древнейших времен [16, с.130]. Анализ историко-правовых источников позволяет сформулировать вывод о том, что многие нормы и институты традиционного казахского права имеют древнее происхождение.

Таким образом, на наш взгляд, институт барымты возник в древнее время, еще до составления «Ясы Чингисхана» и ойратских уставов и, хотя последние оказали определенное влияние на развитие данного института. Еще Тюркской обычно-правовой системе (VI–XII вв.) были известны такие институты, как аип, кун, барымта и другие. В пользу данной версии говорит тот факт, что в тюркском обществе считался чуть ли не героизмом угон скота у враждебных родов и племен. Даже вожди похвалялись такими действиями как героическими делами. Тюркский хакан Бильге на каменной стеле оставил запись о том, что он разгромил народ Тангут, забрал все имущество, взял в плен их сыновей и дочерей. Интересно в этом памятнике то, что имущество называется «барым». По-видимому, впоследствии сформировавшаяся барымта происходит от данного тюркского термина.

Вот как описывает процесс совершения барымты в древнетюркском обществе ученый-исследователь Т.С. Жумаганбетов: «Если виновная сторона принадлежит богатому...роду, а противоположная сторона – роду бедному, возникали ситуации, когда аип (компенсация) по судебному приговору долгое время не выплачивался, и тем самым судебное решение игнорировалось. Тогда сторона – истец, понесшая потери, обращается к судье с соответствующей жалобой. Речь идет о реноме судьи и рода судьи. В этих обстоятельствах все зависело от авторитета и веса судьи, а в некоторых случаях не исключалось объединение рода судьи и потерпевших для совершения барымты. Сводный вооруженный отряд кочевников посещает аул ответчиков. Специальная команда отбирает ровно столько скота, сколько определено решением суда и уезжает. Никто не смеет сопротивляться или противодействовать. Община полностью и целиком отвечает за выплату аипа сородича. Каждая семья общины ответчика вносит определенный традицией в общине свой взнос в этот кун. Таким образом, предотвращается эскалация прямой кровной мести» [17, с. 275].

Особо хотелось бы отметить, что проблема исполнения норм традиционного права кочевого

общества казахов является в научной литературе спорной. Существует несколько точек зрения. Одни ученые считают, что нормы обычного права в традиционном обществе исполнялись в добровольном порядке. Согласно другому мнению, особую роль при исполнении обычно-правовых норм играла принудительная сила государства. Представители третьего течения пропагандируют так называемую «смешанную» идею. Они считают, что правовые обычаи в кочевом обществе казахов исполнялись как добровольно, так и принудительно. Несмотря на то, что все три точки зрения имеют право на существование, нам все же ближе является третья, поскольку она объективно отражает особенности судопроизводства в традиционном кочевом обществе казахов. Действительно, судебные решения в кочевом обществе могли исполняться как добровольно, так и принудительно. Однако, на наш взгляд, принуждение обеспечивалось не силой государства, а силой самой родовой общины. В качестве такой силы и выступала барымта.

Барымта как понятие общетюркской правовой культуры представляла собой «правовой регулятивный институт на основе материально-силового выполнения судебных решений» [17, с. 269].

Ввиду отсутствия в казахском кочевом обществе специализированного органа исполнения судебных решений, функцию так называемого судебного исполнителя выполняли: сама община виновного; поручители виновного; любой посторонний человек, который получал вознаграждение от выигравшей дело стороны; старейшины родов и отделений.

Несмотря на то, что данная норма не была закреплена в «Жеты-Жаргы», все же на практике она получила значительное распространение. Подтверждением этому является следующее. Так, в дастане «История Толе бия» семь институтов «Семи установлений» сформулированы следующим образом. Есть здесь и упоминание о барымте.

Вот первый, решающий в нашей судьбе,
Закон о Земле, что достался тебе.

Пусть алчный сосед, вымогатель иль рать,
Попробует землю твою отобрать!

Второй – о домашних, семейных делах –
Исполнить его да поможет Аллах!

О третьем законе пусть ведают те,
Кто вырос в бесчестии и барымте.

Вражду родовую, рыдания и стон,
Надежно погасит четвертый Закон.

Нас пятый Закон защитит от врагов,

Шестой и седьмой – право слабых и вдов

[18].

Барымта, на наш взгляд, имела значение до тех пор, пока не получила своего развития исполнительная власть в государстве, способная заставить виновного исполнить постановление суда, условия договора и т.д.

Отдельные авторы-исследователи определяют барымту как одну из разновидностей военной добычи. Так, К.О. Байжанова отмечает: «Әскери олжаның бір түрі – барымта» [19, с. 183]. С данной трактовкой барымты, на наш взгляд, нельзя согласиться, поскольку она изначально не отражает особенностей и сущности барымты в традиционном казахском праве.

На наш взгляд, необходимо отметить, что барымта очень тесно связана с принципом талиона.

На связь барымты и талиона указывал также и М. Ковалевский, писавший по этому поводу: «Несоответствие между размерами произведенного захвата и величиною понесенного вреда одно уже заставляет сомневаться в том, чтобы самопомощь сторон при выполнении договоров преследовала вышеуказанную цель. Вернее будет сказать, что в захвате, производимом устоявшей в договоре стороной, надо видеть не более как мсть» [6, с. 188].

Т.С. Жумаганбетов отмечает, что «в раннем средневековье у древних тюрков мы уже находим этот вид правовой нормы сильно смягченный имущественными аспектами, различными типами правовой барымты и т.д.» [17, с. 274].

Необходимо отметить, что, во-первых, талион – это правило, регулирующее инициативные действия.

Во-вторых, в основе принципа талиона лежит стремление к справедливости. Таким образом с зарождением и развитием принципа талиона начинает формироваться понятие справедливости. Когда одна сторона своими действиями наносит ущерб другой стороне, то это значит, что в первую очередь нарушена справедливость. Естественно потерпевшая сторона пытается восстановить данную справедливость. С этой целью она наносит адекватный ущерб.

В-третьих, талион является ни чем иным, как первым способом восстановления нарушенного права.

В-четвертых, сущность принципа талиона заключается в нанесении ответного ущерба, равного инициальному. Главное в нем – это соразмерность, т.е. таким образом талион ограничивает меру возмездности. Он может проявиться, как принцип «око за око», «ухо за ухо», «кровь за кровь», «копыто за копыто». Поэтому, на наш взгляд, принцип «құлаққа-құлақ, тұяққа-тұяқ» и есть проявление принципа талиона.

В-пятых, «самим фактом своего существования талион угрожает, и в угрозе заключается его основная санкция» [20, с. 352].

В-шестых, «стандарт действия, предполагаемый талионом, – ситуативен в своем приложении, однако как принцип действия он надсубъективен и универсален» [21, с. 248].

В-седьмых, талион носил групповой характер с обеих сторон конфликта. Объектом ответной мести мог быть как род и семья в целом, так и любой из противоположного рода.

В-восьмых, на основе талиона возник и существовал «узаконенный обычаем институт барымты» [22, с. 447]. С этим нельзя не согласиться. Действительно, именно в барымте «рельефнее всего сказался тот дух талиона, которым проникнуто все законодательство хана Тявки и который представляя собой историческую трансформацию первобытного принципа мести, придал саморасправе киргиза окраску молодецкого, удалого подвига» [23, с. 85].

На наш взгляд, главным в талионе является стремление к установлению баланса путем воздаяния виновному по заслугам, по справедливости, объективное стремление достичь справедливости. В связи с этим необходимо отметить, что одной из форм проявления талиона была барымта.

В XVIII–XIX вв. в условиях развития феодальных отношений формируются новые цели барымты. Все чаще производятся набеги племен друг на друга, которые сопровождаются не просто отгоном скота, но и захватом большого количества «ясыря». Барымта начинает приобретать характер межплеменных феодальных войн. Ярким примером тому являются частые набеги казахских племен под предводительством султанов и батыров на владения калмыцких князей, имевшие место в 20–30-х годах XVIII века. Практически все источники указывают на роль батыров в совершении барымты.

Считалось, что участие батыра в барымте – это есть служение правому делу. Как правило, батыры, принимавшие участие в таких набегах, пользовались огромной славой, почетом и уважением среди казахского населения. Вот, что отмечал по этому поводу Н. Рычков: «Сие злодеяние не только не делает между ними порока, но еще почитается за знаки совершенной храбрости и проворства» [24, с. 26]. «Баранта почитается удалством, – писал Броневский. – Отличающиеся удачными набегами, прославляются как богатыри в песнях народных» [25, с. 164].

Определяя цели и функции данной формы барымты, Маковецкий отмечает: «Весьма многие и почетные киргизы, содержащие джигитов для защиты своих стад от барымтачей, посылают этих джигитов самих на барымту, увеличивая этим способом свое состояние» [26, с. 328].

При рассмотрении данного вопроса, на наш взгляд, особую роль играет тот факт, что барымта была известна не только казахскому традиционному праву, но и обычному праву соседних государств. Аналогичная форма барымты была известна традиционному праву башкир, туркмен, киргизов и других народов.

Именно барымта упоминается в произведениях устного народного творчества башкирского народа. В частности, значительное внимание данной форме барымты уделено в башкирском народном эпосе «Акбузат». В отличие от казахского общества, где акцентируется внимание на барымте –

как способе защиты своего нарушенного права, в башкирском традиционном праве барымта, в первую очередь, воспринималась как форма отражения имущественного расслоения общества, как форма решения межродовых споров. В данном произведении это очень хорошо показано.

Барымта определяется как набег на враждебное племя с целью захвата материальных ценностей. Формально участие в барымте считалось добровольным. Однако тех, кто уклонялся от участия в барымте по каким-либо причинам, общество осуждало. Те же, кто принимал участие в подобного рода действиях, при удачном исходе получали свою часть добытого. Л. Казанцева по этому поводу отмечает, что наездники, отличившиеся на баранте удалством и храбростью, приобретали название «батырей» [27, с. 39].

Барымта в башкирском обществе выполняла несколько функций, основными из которых являлись: объединение племени; улучшение материального состояния как племени в целом, так и рода в отдельности.

Существовал похожий институт и у туркмен, назывался он «аламан». Вот что пишет по этому поводу С.Л. Фукс: «У туркмен, например налеты на соседей с целью грабежа, именуемые «аламан», еще в середине XIX века расценивались как нормальный способ добывания средств к жизни. По словам Терентьева, плененные при завоевании царизмом Средней Азии туркмены на вопрос о роде занятий, не смущаясь, отвечали: «Занимаюсь земледелием, а также аламаню». Либо: «Оружейник, а в свободное время хожу на аламан» [28, с. 123].

Необходимо отметить, что первоначально аламан представлял собой не просто набег с целью захвата чужого имущества, а, как правило, нападение с целью отмщения. Именно это роднило аламан с барымтой.

В киргизском традиционном обществе барымта зародилась как средство разрешения межплеменных конфликтов. Обычно исходным основанием таких конфликтов являлся имущественный ущерб, понесенный тем или иным аилом. Частые мелкие набеги превращались в крупные военные столкновения с целью захвата территорий и пленных для использования их в качестве рабов в домашнем хозяйстве.

Нередко в традиционном казахском кочевом обществе институт барымты использовался консервативными силами в междоусобных распрях. Как известно, все основные задачи в мирное время решались на уровне рода, чтобы усилить свое влияние и удовлетворить амбиции, племенная аристократия организовывала различные военные акции, облекавшиеся в форму барымты. Одним из основных условий прекращения деятельности племени была ее неспособность ответить на барымту. Именно такая форма барымты стала иметь место в казахском обществе в XVIII–XIX вв. Это, на наш

взгляд, можно объяснить, прежде всего, тем, что родовые и межродовые связи стали ослабевать. Нередко производились набеги не только на соседние роды, но и на соседние народы. В результате угонялось большое количество скота, брались в плен люди. Барымта становилась ни чем иным как феодальным набегом и средством наживы. О такой форме барымты пишет Сеит Кенжеахметулы [29, с.40]. О такой же форме барымты пишет хан Джанторе в своем письме от 21 ноября 1807 года к владельцу Хошоутовского улуса князю Тюменю Джиргалану. В данном письме хан Джанторе указывает на существование взаимной барымты между казахами поколений жетыру и байулы, а также предостерегает князя об опасности, исходящей от соседства с кочевьями султана Букея.

В целом же оценивая значение такой формы барымты, хотелось бы отметить, что она носила несколько искусственный характер. Большое распространение она получила в период уже после присоединения Казахстана к России и чаще всего провоцировалась русскими властями, поскольку, в конечном итоге, приводила к коренному разрушению единства родов и племен. Не случайно многие казахские ханы и султаны в XIX веке, реформируя подвластные им роды и племена, значительное внимание уделяли барымте, которая в этот период легко могла перейти в грабеж и наносила огромный ущерб казахскому обществу.

Практически все исследователи указывают на следующие условия правомерности барымты: во-первых, о барымте заранее должно было быть сообщено старейшине рода; во-вторых, открытое предъявление своих претензий; в-третьих, соразмерность угнанного скота цене иска; в-четвертых, совершение барымты днем; в-пятых, угнанный скот должен был сохраняться до удовлетворения претензии.

На наш взгляд, кроме вышеперечисленных условий, немаловажную роль при определении правомерности барымты играли и такие условия, как отказ лица, виновного в краже, добровольно вернуть украденный скот или явиться в суд биев для дачи показаний, а также если барымта была единственно возможным средством восстановления своего нарушенного права.

Правомерный угон скота не осуждался, а считался законным правом и регулировался нормами обычного права. Неправомерная же барымта на практике квалифицировалась как кража, грабеж или разбой и влекла соответствующие правовые последствия. Особо необходимо отметить, что барымта считалась неправомерной даже в том случае, если для ее совершения имелись законные основания, но при этом не были соблюдены некоторые формальные правила, которые мы называем условиями правомерности барымты.

Литература

1. Усеинова К.Р. Институт барымты и его место в обычно-правовой системе казахов: дис ... канд.юрид.наук. Алматы, 2007.
2. Усеинова Г.Р. Государственно-правовые взгляды Валиханова Ч.Ч.: дис ... канд.юрид.наук. Алма-Ата, 1996.
3. Сапаргалиев М. История народных судов Казахстана. Алма-Ата, 1966.
4. История политических и правовых учений / под ред. В.С. Нерсисянца. М., 1988.
5. Мякутин А.И. Юридический быт киргизов. Вещное и обязательственное право // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1910. Вып. 25. С. 9–179.
6. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон // Обычное право осетин в историческом освещении. М., 1886. Т.1. С. 71–187.
7. Жанайдаров О. Степная конституция хана Тауке // Древний мир права казахов. Алматы, 2005. Т.4. С. 266–269.
8. Гурлянд Я. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1904. Т.20. Вып. 4–5. С. 154–158.
9. Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса, 1879.
10. Фукс С. История казахского права по русским источникам XVIII–XX вв. // Древний мир казахов. Алматы, 2004. Т.2. С. 607–628.
11. Айткулова Н.Л. Институт «айып» в обычном праве казахов: автореф. дис...канд. юрид. наук. Алматы, 2002.
12. Абайдельдинов Е.М. Политико-правовая история Республики Казахстан. Ч.1. Алматы, 1999.
13. Почекаев Р.Ю. «Обычай и закон в праве кочевников Центральной Азии» (После империи Чингисхана) // Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии. М., 2006. С. 164–173.
14. Валиханов Ч.Ч. Письмо профессору И.Н. Березину // Собрание сочинений: в 5 т. Алма-Ата, 1984. Т.1. С. 163–173.
15. Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе // Собрание сочинений: в 5 т. Алма-Ата, 1985. Т.4. С. 77–105.
16. Күл-Мухаммед М. Жакып Акпаев. Патриот. Политик. Правовед. Алматы, 1995. 240 с.

17. *Жумаганбетов Т.С.* Проблемы формирования и развития древнетюркской системы государственности и права. дис ... канд.юр.наук. VI–XII вв. Алматы, 2003.
18. *Ахметова Н.С., Кожакметов Г.З.* «Жеты – жаргы» – памятник обычного права казахов // Древний мир права казахов. Алматы, 2005. Т.4. С. 211–218.
19. *Байжанова К.О.* Қазақ әдет-ғұрып құқығы бойынша меншік құқығына ие болу және тоқтату әдістері // Древний мир права казахов. Алматы, 2004. Т.2. 178–190 бб.
20. История первобытного общества: эпоха первобытно-родовой общины / под ред. В.П. Алексеева, А.И. Першица. М., 1986.
21. *Апресян Р.Г.* О трактате Гуго Гроция «О праве войны и мира» // Сектор этики Института философии РАН. Этическая мысль. М., 2002. Вып. 3. С. 245–263.
22. *Усеров Н.У.* Структура и содержание «Жеты-Жаргы» // Древний мир права казахов. Алматы, 2005. Т.4. С. 430–453.
23. *Словохотов Л.А.* Народный суд обычного права киргиз Малой орды // Древний мир права казахов. Алматы, 2005. Т.6. С. 79–113.
24. *Рычков Н.* Дневные записки путешествия в Киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб., 1772.
25. *Броневский С.И.* Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. СПб., 1830. №123. С. 162–164.
26. *Маковецкий П.Е.* Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Омск, 1886 // Материалы по казахскому обычному праву. Алматы, 1998. С. 320–418.
27. *Казанцев И.* Описание киргиз-кайсаков. Казань, 1904.
28. *Фукс С.Л.* Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века. Алма-Ата, 1981.
29. *Кенжеахметулы С.* Казахские народные традиции и обряды. Алматы, 2000.

References

1. *Useinova K.R.* Institut barymty i ego mesto v obychno-pravovoi sisteme kazakhov: dis ... kand.yurid.nauk. Almaty, 2007.
2. *Useinova G.R.* Gosudarstvenno-pravovye vzglyady Valikhanova Ch.Ch.: dis ... kand.yurid.nauk. Alma-Ata, 1996.
3. *Sapargaliev M.* Istoriya narodnykh sudov Kazakhstana. Alma-Ata, 1966.
4. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii / pod red. V.S. Nersesyantsa. M., 1988.
5. *Myakutin A.I.* Yuridicheskii byt kirgizov. Veshchnoe i obyazatel'stvennoe pravo // Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii. Orenburg, 1910. Vyp. 25. S. 9–179.
6. *Kovalevskii M.M.* Sovremennyi obychai i drevnii zakon // Obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii. M., 1886. T.1. S. 71–187.
7. *Zhanaidarov O.* Stepnaya konstitutsiya khana Tauke // Drevnii mir prava kazakhov. Almaty, 2005. T.4. S. 266–269.
8. *Gurlyand Ya.* Steпноe zakonodatel'stvo s drevneishikh vremen po XVII stoletie // Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. Kazan', 1904. T.20. Vyp. 4–5. S. 154–158.
9. *Leontovich F.I.* K istorii prava russkikh inorodtsev. Drevnii mongolo-kalmytskii ili oiratskii ustav vyzskanii. Odessa, 1879.
10. *Fuks S.* Istoriya kazakhskogo prava po russkim istochnikam XVIII–XX vv. // Drevnii mir kazakhov. Almaty, 2004. T.2. S. 607–628.
11. *Aitkulova N.L.* Institut «aiyp» v obychnom prave kazakhov: avtoref. dis...kand. yurid. nauk. Almaty, 2002.
12. *Abaidel'dinov E.M.* Politiko-pravovaya istoriya Respubliki Kazakhstan. Ch.1. Almaty, 1999.
13. *Pochekaev R.Yu.* «Obychai i zakon v prave kochevnikov Tsentral'noi Azii» (Posle imperii Chingis-khana) // Pravo v zerkale zhizni. Issledovaniya po yuridicheskoi antropologii. M., 2006. S. 164–173.
14. *Valikhanov Ch.Ch.* Pis'mo professoru I.N. Berezinu // Sobranie sochinenii: v 5 t. Alma-Ata, 1984. T.1. S. 163–173.
15. *Valikhanov Ch.Ch.* Zapiska o sudebnoi reforme // Sobranie sochinenii: v 5 t. Alma-Ata, 1985. T.4. S. 77–105.
16. *Kul-Mukhammed M.* Zhakyp Akpaev. Patriot. Politik. Pravoved. Almaty, 1995. 240 s.
17. *Zhumaganbetov T.S.* Problemy formirovaniya i razvitiya drevnetyurk-skoi sistemy gosudarstvennosti i prava. dis ... kand.yurid.nauk. VI–XII vv. Almaty, 2003.
18. *Akhmetova N.S., Kozhakhmetov G.Z.* «Zhety – zhargy» – pamyatnik obychnogo prava kazakhov // Drevnii mir prava kazakhov. Almaty, 2005. T.4. S. 211–218.
19. *Baizhanova K.O.* Қазақ әдет-ғұрып құқығы бойынша меншік құқығына ие болу және тоқтату әдістері // Drevnii mir prava kazakhov. Almaty, 2004. T.2. 178–190 бб.
20. Istoriya pervobytnogo obshchestva: epokha pervobytno-rodovoi obshchiny / pod red. V.P. Alekseeva, A.I. Pershitsa. M., 1986.

21. *Apresyan R.G.* O traktate Gugo Grotsiya «O prave voyny i mira» // Sektor etiki Instituta filosofii RAN. Eticheskaya mysl'. M., 2002. Vyp. 3. S. 245–263.
22. *Userov N.U.* Struktura i sodержanie «Zhety-Zhargy» // Drevnii mir prava kazakhov. Almaty, 2005. T.4. S. 430–453.
23. *Slovokhotov L.A.* Narodnyi sud obychnogo prava kirgiz Maloi ordy // Drevnii mir prava kazakhov. Almaty, 2005. T.6. S. 79–113.
24. *Rychkov N.* Dnevnye zapiski puteshestviya v Kirgiz-kaisatskoi stepi v 1771 godu. SPb., 1772.
25. *Bronevskii S.I.* Zapiski general-maiora Bronevskogo o kirigz-kaisakakh Srednei Ordyy // Otechestvennye zapiski. SPb., 1830. №123. S. 162–164.
26. *Makovetskii P.E.* Materialy dlya izucheniya yuridicheskikh obychaev kirgizov. Omsk, 1886 // Materialy po kazakhskomu obychnomu pravu. Almaty, 1998. S. 320–418.
27. *Kazantsev I.* Opisanie kirgiz-kaisakov. Kazan', 1904.
28. *Fuks S.L.* Obychnoe pravo kazakhov v XVIII – pervoi polovine XIX veka. Alma-Ata, 1981.
29. *Kenzheakhmetuly S.* Kazakhskie narodnye traditsii i obryady. Almaty, 2000.

*Поступила в редакцию 18 января 2018 г.
Received 18 January, 2018*